

IV. Письмо к гражданину Мюра, делегату парижских механиков на базельском конгрессе.

(Ст. Дж. Гильома. *Progrès*. 1870. № 1.)

Любезный Мюра!

Я с интересом прочёл отчёт о прениях Базельского Конгресса, который вы только что напечатали. Вы особенно сильно напираете на голосование, касающуюся коллективной собственности, и подробно воспроизводите те доводы, которыми вы уже пользовались в Базеле, оспаривая этот вопрос. Я, со своей стороны, очень благодарен вам за то, что вы доставили мне случай ещё раз подтвердить то, что я замечал уже не раз, а именно: что между противниками коллективной собственности, – одни, защищая абсолютный индивидуализм, как экономисты, приходят прямо к абсурду, тогда как другие, подобно вам, называющие себя социалистами, желающие равенства и справедливости, запутываются при своих стараниях поддержать идею индивидуальной собственности в самых вопиющих противоречиях.

Остановимся сначала на первом пункте, и рассмотрим принципы индивидуализма и его последствия.

Этот принцип вы сами формулируете следующим образом:

«Общество, составленное из личностей, не может иметь права лишать собственности своих членов»; я разовью эту мысль, прибавив следующее: «Свобода всякого человека должна быть абсолютная; он вполне должен пользоваться своими естественными правами, и никто другой не смеет посягнуть на них. Так как общество есть совокупность личностей, то ясно что тысяча, сто тысяч этих личностей, сгруппировавшихся в общество, не могут пользоваться новыми правами, благодаря одному факту этой группировки; а так как каждый из них, взятый отдельно, не имеет права посягать на свободу и собственность своего ближнего, то их совокупность, называемая обществом, конечно точно также не имеет на это права. Таким образом, возникает абсолютная неприкосновенность личного права и отрицание социального права»

Вот, мне кажется, ясно и точно изложенный принцип индивидуализма. На этом принципе основываются экономисты, чтобы гарантировать свободу капиталиста-собственника, против тирании тех, кто ничего не имеет. Допустим, что это так; но будем, по крайней мере, последовательны. Если личность есть всё, а общество ничего, если права общества не превышают прав частных лиц, то каким же образом экономисты оправдывают существование настоящих государств? По какому праву государство, общество взимает налоги, проводит дороги, обирая частных лиц, требует, чтобы эти последние приносили в жертву даже жизнь для общей защиты? Скажу более, по какому праву общество осмеливается препятствовать некоторым лицам удовлетворять их склонностям к разбойничеству и убийству?

Есть экономисты, которые стараются быть последовательными; правда, что ни один из них не доводит своей последовательности до конца, некоторые заставляют их поколебаться в своей последовательности, но они, по крайней мере, допускают часть того, что вытекает из признаваемых ими принципов: они не признают за обществом права заниматься воспитанием детей или лишить собственности гражданина без его согласия и т.п.

Особенно замечательно при этом то, что, разглагольствуя и крича о правах личности, требуя для собственника права пользоваться и злоупотреблять своей собственностью, назначать своим работникам произвольную плату, давать займы деньги или отдавать в наймы дом на каких угодно условиях, наконец, давая им право неограниченной эксплуатации, те же экономисты, достойные ученики Мальтуса, отрицают право пролетария на труд, право на жизнь!

Не смотря на всю смелость, с которой эти господа идут по пути абсурда, в известный момент они принуждены остановиться. Поэтому ни один из самых ярых индивидуалистов не решается быть абсолютно последовательным до конца. Закон солидарности с такой силой даёт себя чувствовать всякому человеку, что оказывает своё влияние даже на людей наиболее ослеплённых; признавать же существование этой солидарности, значит признавать социальное право. И если вы признаете за обществом право при каких бы то ни было обстоятельствах вмешаться в дела какой-нибудь личности и говорить ей: «Остановись! То-то и то-то вредно для твоих собратьев; ты желал бы настаивать на своём, опираясь на личную свободу; я же останавливаю тебя во имя общей свободы»; если вы допускаете законность такого вмешательства, когда дело идёт, например, о сохранении жизни граждан, то как же вы будете отрицать его там, где дело касается гарантии общего благосостояния, образования, труда, свободы? И кому, как ни целому обществу, судить о степени благотворности такого вмешательства?

Нет необходимости останавливать его долее на опасных и ложных сторонах теории индивидуализма, проводимой с полной верой и последовательностью и указывать на то, сколько лицемерия кроется в той же самой теории, проповедуемой буржуазными экономистами. Вы социалист, любезный Мюра; вы не имеете ничего общего с людьми, поддерживающими эксплуатацию; вы хотите равенства! Но вы, подобно экономистам, принимаете за исходную точку абсолютное право личности. Посмотрим, удастся ли вам, взяв за основание этот принцип доказать необходимость равноправного социализма. Прежде всего обращаю ваше внимание на то, что вы отказываетесь от имени индивидуалиста, и

применяете к себе прудоновский термин мютюэлиста. Далее, горячо защищая права личности, вы признаёте за обществом известные права, называемые вами правами гарантии. Такая теория, по крайней мере, ясно выражена в мотивировке тех резолюций, которые были предложены вам в Базеле вместе с Толеном, Ланглуа и другими. Я приведу только первые два пункта этой мотивировки:

«Принимая во внимание, что коллективность не может иметь прав, посягающих на естественные права составляющих её личностей»

«Что, следовательно, коллективные права могут иметь только значение прав взаимной гарантии, которые бы обеспечивали для каждого свободное развитие способностей...»

Я соглашусь с этими принципами, если строго определять то, что называют естественными правами человека. Если вы мне скажете, что права эти заключаются главным образом в праве жить трудом и в праве свободно развивать все свои способности; что, напротив, сосредоточивание капиталов в руках единичных лиц никак не может считаться естественным правом; если вы согласитесь с нами, что это есть привилегия и эксплуатация; если таков основной смысл ваших рассуждений, то мы с вами совершенно согласны. Мы согласны, говорю я, потому что только что изложенные мной принципы не что иное, как принципы коллективизма.

Из ваших собственных слов я вывожу заключение, что вы, может быть сами того не подозревая, совершенно согласны с нами. В самом деле, от вопроса о собственности, вы переходите к вопросу об обществах сопротивления; объяснив те принципы, которые должны служить основанием при их образовании и федерации, пишете следующие строки, с которыми, не задумываясь, согласится каждый коллективист.

«Не трудно понять, что при подобной организации общества сопротивления превратились бы скоро в общества свободных производителей, полноправных собственников орудий труда, а следовательно и продуктов, обмена которых они бы сумели гарантировать; такое превращение могло бы произойти во-первых так, что рабочие потребовали бы от настоящих владельцев часть дохода от их предприятий, т.е. прямого и личного участия в них или же выкупили бы путём займа все орудия труда; во-вторых, если бы этот способ оказался невозможным, рабочие могли бы просто лишить капиталистов собственности»

Как, любезный Мюра, вы хотите, чтобы орудия составляли собственность не отдельных капиталистов, а ассоциаций производителей! Вы доходите до того, что предлагаете просто лишить капиталистов собственности. Это вы называете абсолютными правами личности? Вот каким образом вы думаете охранить несчастных собственников от грабежа. Страшная ирония! вы называете себя мютюэлистом, с негодованием отвергаете коллективную собственность, в сущности признавая её и отвергая только название.

Позвольте же мне протянуть вам руку, от имени моих друзей, в знак полного и братского единомыслия; вы, также как и мы, хотите коллективной собственности; мы в свою очередь не менее вас восстаём против самовластного коммунизма, и во всяком случае не заслуживаем упреков, делаемых вами коммунистам и коллективистам – которых вы

очевидно смешиваете, применяя к тем и другим одинаковые порицания. Заметив мимоходом, что ваши слова приложимы к авторитарным системам, а никак не к теории коллективизма, последнее слово которого есть анархия, я с удовольствием привожу, чтобы закончить это письмо, те строки, в которых выставляете цель, которой должен задаться действительный социалист:

«Самый сильный упрёк, который я делаю всем комбинациям коммунистов и коллективистов, состоит в том, что они совершенно абстрагируются от человека, его натуры, его темперамента, его тенденций, его прав; это значит, что человек должен будет им подчиниться; между тем как, напротив, я думаю, что он явится главным разрушителем этих комбинаций, как бы они ни были замысловаты и как бы ни казались справедливыми. Ход прогресса именно таков, что эти комбинации будут отрываться и быстро сменяться одна другой. Думать о возможности создать общество, где всё будет предвидено заранее, значит просто тратить попусту время, и мне кажется, что будет лучше, если мы направим все наши усилия на те стороны, которые как нам показал ежедневный опыт, составляют препятствия в стремлении человечества к равноправности, если мы уничтожим эти препятствия, предоставляя человеку самую широкую инициативу и свободу действий»

В самом деле, время утопического и метафизического социализма прошло. Системы кабинетных мечтателей уступили место положительному и экспериментальному социализму, опирающемуся на факты, возводящему свои принципы строго и добросовестно проверенные, на высоту научных истин, и олицетворяющий собой не что иное, как интеллигенцию народа, подтверждающую естественные законы человеческих обществ.

Примите, любезный Мюра, мой братский привет.

Джеймс Гильом.

Невшатель. 30 декабря 1869.

Версия #2

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 22 июня 2025 01:55:53

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 22 июня 2025 02:15:06